

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Настоящим фиксирую, что в 628 год от нашего объединения
Аретия была сожжена драконом в соответствии
с конвенцией об уничтожении движения сепаратистов.
Те, кто бежал, выжили, а те, кто остался,
погребены в руинах.*

Общественное извещение 628.85,
записано Цириллой Нейлварт

Глава 1

На вкус революция оказалась сладкой... На удивление сладкой.

Я смотрела на старшего брата, который сидел напротив меня за старым, потертым деревянным столом на кухне в цитадели Аретии, и жевала медовое печенье, которое Бреннан только что положил мне на тарелку. Было божественно вкусно. Действительно вкусно.

А может, все дело в том, что я не ела целых три дня — с тех пор, как одно считающееся вымышленным существо вонзило мне в бок отравленный клинок. Тот, что должен был меня убить, и убил бы, если бы не Бреннан. Который, улыбаясь, глядел, как я жую печенье.

Кажется, такого сюрреалистического опыта в моей жизни еще не было. Бреннан жив. Вэйнителли, темные заклинатели, оказались реальны — а я-то думала, что они существуют лишь в сказках! Бреннан жив. Аретия все еще стоит, хотя ее выжгли после Тирского восстания шесть лет назад. Бреннан *жив*. У меня

появился новый шрам на животе, длиной в три дюйма, но я не умерла. А Бреннан... Он. Жив.

— Вкусное печенье, правда? — спросил он и взял себе еще одно с тарелки между нами. — Напоминает то, что пекли в Коллдире. Помнишь?

Но я молча продолжала жевать, уставившись на брата.

Он был так похож... на себя самого. И все же выглядел иначе, чем я его помнила. Раньше у него были каштановые кудри с рыжим отливом, а теперь волосы подстрижены очень коротко. В чертах лица больше не видно мягкости. И от уголков глаз протянулись морщины. Но сами глаза. И улыбка...

Это действительно был он.

И условие, которое он мне поставил: «Сперва съешь хоть что-нибудь, и я отведу тебя к драконам». О, в этом условии прямо-таки сквозила сама суть Бреннана.

Хотя... Не то чтобы Тэйрн хоть когда-то учитывал чужие условия, и это значило...

«Я тоже думаю, что для начала тебе следует поесть», — низкий, рокочущий голос Тэйрна наполнил мою голову.

«Угу-угу», — ответила я и мысленно потянулась к Андарне, глядя, как пробегающая мимо нашего стола работница кухни коротко улыбнулась Бреннану.

Андарна не отвечала, но я почувствовала мерцающую нить связи, протянувшуюся между нами. Только вот не такую золотую, как раньше. Я даже не могла толком за ней проследить — возможно, из-за того, что мой мозг до сих пор слегка тормозил. Андарна снова спала — неудивительно, она же потратила всю энергию! Скорее всего, после битвы в Рессоне ей придется отсыпаться с неделю или даже больше.

— Э-эй, ты так и не сказала ни слова. — Бреннан наклонил голову. Он так делал всегда, когда пытался решить какую-нибудь задачу. — И это ненормально.

— Знаешь, что на самом деле ненормально? Смотреть, как я ем, — проглотив кусочек печенья, сказала я. Голос звучал все еще хрипло.

— Правда? — улыбнувшись, он пожал плечами, и при этом на его лице не было ни малейшей тени стыда. Зато на щеке появилась ямочка — единственное, что осталось неизменным в его внешности. — Несколько дней назад я был уверен, что никогда не увижу, как ты делаешь хоть *что-нибудь*. — Он откусил огромный кусок печенья. Кажется, аппетит у брата остался таким же хорошим, как и раньше, и это странным образом успокаивало. — К слову, можешь не благодарить за исцеление. Считай это подарком на двадцать первый день рождения.

— Спасибо.

Точно. Я ведь проспала свой день рождения. Не сомневаюсь, что мое балансирование на грани жизни и смерти стало тем еще праздником для всех обитателей замка — или дворца? — как бы он ни назывался.

Тут в кухню вошел Боди, кузен Ксейдена, — широким шагом, в военной форме, с рукой на перевязи и коротко подстриженный.

— Подполковник Айсрай, — сказал Боди, протягивая Бреннану сложенную депешу. — Только что пришло из Басгиата. Если вы захотите ответить, то всадник пробудет здесь до вечера.

Затем Боди улыбнулся мне, и я вновь подумала: как же он похож на Ксейдена! Эдакая более мягкая версия. Затем, кивнув моему брату, он развернулся и ушел.

Басгиат? Здесь еще один всадник? Сколько же их всего таких? И насколько велика эта самая... революция?

Вопросы рождались так быстро, что я решила составить список, хотя бы в голове.

— Подожди. Ты что, подполковник? И почему Айсрай? — спросила я наконец, почему-то решив, что сперва надо разобраться именно в этом.

— Мне пришлось сменить фамилию. По понятным причинам. — Бреннан взглянул на меня и развернул депешу, сломав синюю восковую печать. — И тебя изрядно удивит, как быстро двигаешься по карьерной лестнице, если все, кто выше, постоянно умирают.

Прочитав послание, он выругался, быстро встал и сунул депешу в карман.

— Мне нужно срочно встретиться с членами Ассамблеи, но ты спокойно доедай печенье, и через полчаса увидимся в холле. И я отведу тебя к твоим драконам.

Всю смешливость Бреннана как ветром сдуло, ямочка на щеке исчезла. Передо мной был уже не мой старший брат, а строгий офицер, которого я едва узнавала. Почти незнакомец.

Не дожидаясь моего ответа, он ушел с кухни.

Потягивая из кружки молоко, я смотрела на отодвинутый пустой стул, будто Бреннан вот-вот вернется. С трудом проглотив застрявшее в горле печенье, я вздернула подбородок, твердо решив больше никогда не сидеть просто так и не ждать возвращения брата.

Я встала из-за стола и вышла из кухни в длинный коридор. Наверное, Бреннан очень торопился, потому что его уже не было видно. Ковер с замысловатым узором заглушал мои шаги. Я дошла до огромного вестибюля с высоким сводчатым потолком и оказалась... Вау. Перед широкой, отполированной лестницей с массивными перилами, которая уходила вверх на три — нет, даже четыре — этажа.

Если до этого момента я была слишком поглощена стремлением догнать брата, чтобы обращать внимание на архитектуру, то теперь просто вытаращилась на все это великолепие. Каждая последующая лестничная площадка была чуть смещена относительно предыдущей, как будто сама лестница карабкалась вверх по горе, в которой когда-то давно высекли эту крепость. Утренний свет лился из десятков маленьких окон — единственного украшения стены высотой в пять этажей над массивными двустворчатыми воротами. Казалось, окна образовывали некий узор, но я стояла слишком близко, чтобы оценить его полностью.

На это не хватало перспективы... Что, впрочем, можно было считать метафорой моей жизни здесь и сейчас.

Двое часовых следили за каждым моим шагом, но когда я прошла мимо, не остановили меня. Что же, по крайней мере это значило, что я здесь не пленница.

Я пошла дальше по центральному коридору первого этажа и внезапно уловила эхо голосов из комнаты слева. В нее вели большие резные двери, и сейчас одна створка была распахнута. Приблизившись, я сразу же узнала глубокий, низкий голос Бреннана, и что-то в груди болезненно сжалось от таких знакомых интонаций.

— Это не сработает, — сказал он. — Следующее предложение.

Я прошла дальше и попала в огромный холл, из которого вели два широких коридора — видимо, в другие крылья здания. Это место поражало воображение. Отчасти дворец, отчасти дом, а в целом — крепость. Толстые каменные стены — вот что спасло его от гибели шесть лет назад. Помнится, я читала, что родовое гнездо Риорсонов ни разу не захватывали враги и, насколько мне известно, оно пережило как минимум три осады.

Камень не горит. Именно так сказал Ксейден. Город — превратившийся теперь в маленький городок — тихо и скрытно отстраивался несколько лет прямо под носом у генерала Мельгрена. Когда дети казненных мятежников собирались по трое и больше, магические метки отступников каким-то непостижимым образом скрывали их помыслы от печати Мельгрена. У него нет возможности видеть исход битвы, в которой они планируют участвовать, потому что он не может «посмотреть», как здесь к ней готовятся.

Некоторые черты дома Риорсонов, начиная от его неприступности — здание вырублено в скале — и заканчивая мощенными камнем полами и двойными дверями на входе, укрепленными сталью, напоминали мне Басгиат. Военную академию, которую я называла домом с тех пор, как моя мать заняла в ней позицию главнокомандующего. Но на этом сходство заканчивалось. Здесь помещение украшали настоящие произведения искусства, а не только бюсты героев войн, как в Басгиате. И я была почти увере-

на, что гобелен на стене — напротив дверного проема, возле которого сейчас стояли Боди и Имоджен, — это настоящий гобелен из Поромиэля.

Имоджен приложила палец к губам и жестом предложила мне встать между ней и Боди. Я подошла, заметив, что, пока я была без сознания, стриженные волосы Имоджен стали еще более ярко-розовыми. Очевидно, она чувствовала себя здесь как дома. И Боди тоже. О недавнем сражении напоминали только перевязь, фиксирующая сломанную руку Боди, и рассеченная губа Имоджен.

— Кто-то должен констатировать очевидное, — сказал пожилой мужчина с повязкой на глазу и ястребиным носом. Он сидел на дальнем краю стола, который протянулся во всю длину огромной комнаты, высотой в два этажа. Редущие седые волосы обрамляли его загорелое, обветренное лицо, изборожденное глубокими морщинами, а двойной подбородок низко свисал, как у антилопы гну. Он откинулся в кресле, положив ладонь на большой круглый живот.

За столом легко разместилось бы и тридцать человек, но сейчас за ним сидели только пятеро всадников, все в один ряд, и все смотрели в противоположную от двери сторону. Нас они не могли увидеть, разве что кто-то решил бы обернуться. Однако никто не решил. Бреннан расхаживал перед всадниками туда и обратно, но тоже не замечал нас.

Сердце застучало быстро и будто в самом горле, и я осознала, что мне понадобится некоторое время... чтобы привыкнуть к тому, что Бреннан жив. Каким-то образом это был одновременно мой брат, которого я знала, и абсолютно другой человек. И все же он здесь — живет, ходит, дышит и смотрит в этот самый миг на карту Континента, висящую на длинной стене и лишь немногим уступающую по размерам карте в зале инструктажа нашей академии.

А еще напротив карты, опираясь одной рукой на спинку большого кресла, стоит Ксейден и тоже смотрит на людей за столом.

Он хорошо выглядит, даже несмотря на синяки под глазами от недосыпа, ярко выделяющиеся на смуглой коже. Высокие скулы, темные глаза — которые обычно смягчаются, встречаясь с моими, — шрам, рассекающий бровь и заканчивающийся под глазом, витиеватая мерцающая метка отступника, виднеющаяся из-под воротника, и резкая линия рта, который я знаю так же хорошо, как и собственный... Все это делает его совершенным, идеальным в моих глазах, а ведь это только лицо. Что уж говорить о теле, которое в чем-то еще круче лица, а уж то, как он пользуется им, держа меня в объятиях...

Нет. Я трянула головой, обрывая эти сладкие мысли. Ксейден может быть сколь угодно красивым, сильным и ужасающе смертоносным — как ни странно, это ужасно меня заводит, — но я не верю, что он способен сказать мне правду о... Да о чем угодно. Это сильно ранит, учитывая, насколько фатально я в него влюблена.

— И что такое очевидное вы хотите констатировать, майор Феррис? — спросил Ксейден скучающим тоном.

— Это собрание Ассамблеи, — прошептал мне на ухо Боди. — Для голосования необходим кворум хотя бы из пяти человек, поскольку все семеро почти никогда не бывают здесь одновременно, а предложение принимается четырьмя голосами.

Я тут же отложила эту информацию куда-то на задворки памяти.

— А нам можно это слушать?

— Заседания открыты для всех, кто хочет присутствовать, — ответила Имоджен так же тихо.

— И мы присутствуем... в коридоре? — спросила я.

— Да, — отозвалась Имоджен, и дальнейших объяснений от нее не последовало.

— Возвращение — единственный выход, — продолжил Ястребиный Нос. — В противном случае мы рискуем всем, что уже сделали здесь. Вышлют поисковые патрули, а у нас недостаточно всадников, чтобы...

—Трудновато вербовать людей, оставаясь незамеченными, — перебила его маленькая женщина с блестящими черными, словно вороново крыло, волосами. Глядя на собеседника, она прищурилась, и темно-янтарную кожу возле уголков ее глаз прочертили морщинки.

— Давай не будем отклоняться от темы, Трисса, — проговорил Бреннан, потирая переносицу.

Переносицу точь-в-точь, как у нашего отца. То есть... их сходство просто поражало.

— Нет смысла увеличивать нашу численность без кузни, где мы могли бы ковать оружие. — Ястребиный Нос повысил голос. — К тому же нам до сих пор не хватает светочей, если ты не заметила.

— А как насчет наших переговоров на эту тему с виконтом Текарусом? — спокойным, звонким голосом спросил крупный мужчина с кожей цвета эбенового дерева, подергивая пальцами серебристую бороду.

Виконт Текарус? Такой дворянской фамилии я не встречала в архивах Наварры. К тому же у нашей аристократии в принципе нет такого титула — «виконт».

— Все еще работаем над дипломатическим решением, — ответил Бреннан.

— Да нет никакого решения. Текарус так и не смирился с оскорблением, которое ты нанес ему прошлым летом, — глядя на Ксейдена, хмыкнула пожилая женщина, мощью и статью напоминающая боевую секиру. У нее были светлые волосы, обрезанные ровно по подбородок — квадратный подбородок алебастрового цвета.

— Я же говорил вам, что виконт ничего так просто не отдаст, — ответил Ксейден. — Этот человек *собирает* вещи. А не *торгует* ими.

— Ну, теперь-то он уж точно не будет с нами торговать, — парировала Боевая Секира, сузив глаза. — Особенно если вы не рассматриваете его последнее предложение.

— Да пошел он на хер со своими *предложениями*. — Голос Ксейдена прозвучал спокойно, но взгляд его стал острым, словно клинок, так что любой бы понял: с ним лучше не спорить. Вдобавок, чтобы показать, что собравшиеся здесь не стоят и минуты его времени, он обошел массивное кресло и медленно уселся, вытянув длинные ноги и расслабленно положив руки на подлокотники. Как будто ему не было никакого дела до происходящего — как здесь, так и в целом мире.

Тишина, воцарившаяся в комнате, была весьма показательна. Похоже, Ксейдена уважали в Ассамблее не меньше чем в Басгиате. Здесь я не знала никого, кроме Бреннана, однако готова была поспорить, учитывая наступившее молчание, что Ксейден — самое влиятельное лицо в этом зале.

«Это только пока, — напомнил мне Тэйрн с таким высокомерием, которое появляется лишь тогда, когда ты добрую сотню лет считаешься самым грозным боевым драконом на Континенте. — Прикажи людям проводить тебя в долину, как только закончишь с политикой».

— Нужно решение получше. Если мы не сумеем на ближайший год снабдить стаи оружием, пригодным для борьбы с вэйни-телями, то мы больше не сможем сдерживать их наступление, — заметил Серебряная Борода. — И все, что мы сделали, окажется напрасным.

Мой желудок болезненно сжался. Год? Мы так скоро проиграем в войне, о которой я узнала всего несколько дней назад?

— И как я уже сказал, я работаю над дипломатическим решением вопроса о светоче. — Тон Бреннана стал более резким. — И мы настолько далеко отошли от темы, что я уже сомневаюсь, что явился на нужную встречу.

— Голосую за то, чтобы забрать светоч Басгиата, — предложила Боевая Секира. — Если наше поражение так близко, то выбора нет.

Ксейден бросил на Бреннана быстрый взгляд, смысл которого я не сумела с ходу расшифровать... И глубоко вздохнула, когда до

меня наконец дошло: возможно, Ксейден знает моего брата гораздо лучше, чем я сама.

И он скрывал его. Скрывал от меня. Из всех секретов между нами этот самый болезненный, и это просто так простить невозможно.

«И что бы ты делала с этим знанием, если бы Ксейден им поделился?» — тут же спросил Тэйрн.

«Хватит приносить логику в спор чистых эмоций!» — ответила я, сложив руки на груди. Именно сердце не позволяет мне простить Ксейдена.

— Мы это уже обсуждали, — сказал Бреннан таким тоном, будто ставил точку. — Если мы заберем у Басгиата сердце кузни, Наварра не сможет восполнять запасы на аванпостах. Если чары падут, умрет бесчисленное количество мирных людей. Кто-то из вас готов нести за это ответственность?

И вновь воцарилось молчание.

— Тогда мы пришли к единому мнению, — подытожил Ястребиный Нос. — Пока у нас нет возможности снабдить стаи, кадетам придется вернуться.

Ох.

— Они говорят о нас, — прошептала я. Вот почему мы стояли, не показываясь им на глаза.

Боди кивнул.

— Ты необычайно молчалива, Сури, — заметил Бреннан, глядя на широкоплечую брюнетку с оливковой кожей и серебристой прядью в волосах. Кончик ее носа подергивался, словно у лисы.

— Предлагаю отправить всех, кроме двоих. — От беззаботного тона Сури у меня по позвоночнику пробежал холодок. Брюнетка тем временем принялась постукивать длинными костлявыми пальцами по столу, и кольцо с огромным изумрудом засверкало в солнечном свете. — Шесть кадетов могут лгать так же хорошо, как и восемь.

Восемь.

Ксейден, Гаррик, Боди, Имоджен, трое меченых, чьи имена я не успела узнать, и... я.